

Манкиева Эсет Хамзатовна

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ТРАВЕСТИЙНОГО МОТИВА В ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "ИЗМАИЛ-БЕЙ"

В рамках гендерных исследований автор статьи рассматривает функциональную роль травестийного мотива в лиро-эпической поэме М. Ю. Лермонтова "Измаил-Бей". С учетом историко-культурного контекста поэмы, написанной в период Кавказской войны XIX века, логично предположить, что образ "юной девы гор", переодетой в мужской военный мундир, является "народной" идеализацией женщины-воина, женщины-соратницы, отстаивающей независимость своей Родины. Для сравнения в работе приводится постмодернистский вариант иронической трактовки травестийного образа в романе современной писательницы Д. Дамиан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 41-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В рамках гендерных исследований автор статьи рассматривает функциональную роль травестийного мотива в лиро-эпической поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». С учетом историко-культурного контекста поэмы, написанной в период Кавказской войны XIX века, логично предположить, что образ «юной девы гор», переодетой в мужской военный мундир, является «народной» идеализацией женщины-воина, женщины-соратницы, отстаивающей независимость своей Родины. Для сравнения в работе приводится постмодернистский вариант иронической трактовки травестийного образа в романе современной писательницы Д. Дамьян.

Ключевые слова и фразы: русская литература; Лермонтов; поэма «Измаил-Бей»; травестийный мотив; гендер; Кавказская война; художественный код.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aset.mankieva@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ТРАВЕСТИЙНОГО МОТИВА В ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ИЗМАИЛ-БЕЙ»

По С. И. Ожегову, под термином «травести» следует понимать «театральную роль мальчика или юноши, исполняемую актрисой, а также амплу актрисы, исполняющей роли подростков или роли, требующие переодевания в мужской костюм» [8, с. 804]. История мировой культуры знает множество произведений (особенно драматургических), основанных на мотиве перевоплощения женщин в мужчин (и наоборот) посредством смены «гендерного» костюма. К ним относятся пьесы «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, «Орлеанская дева» Ф. Шиллера, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Давным-давно» А. Гладкова и многие другие.

Среди отечественных литературных произведений с травестийным сюжетом наибольшую популярность приобрела исторически достоверная повесть Надежды Андреевны Дуровой (1783-1866) – офицера Русской императорской армии, участницы Отечественной войны 1812 года. Легендарная «девица-кавалерист» почти всю свою жизнь провела в армейской среде под вымышленным мужским именем «Александр Андреевич Александров», вызывая восхищение сослуживцев и противников совершенством своего воинского искусства, смелостью, безоглядным бесстрашием. На основе фактов своей уникальной биографии «русская амазонка» написала беллетризованную книгу «Записки кавалериста-девицы», которая многократно издавалась в Советском Союзе. Вспоминая детские годы, Н. А. Дурова пишет: «Седло было моею первой колыбелью, лошадь, оружие и полковая музыка – первыми детскими игрушками и забавами» [4, с. 11].

Развитие гендерно ориентированной гуманитаристики усиливает научный интерес к травестийным мотивам, системное изучение которых во многом может пролить свет на вопросы, связанные с гендерной асимметрией, феминизмом, эмансипацией, историческим процессом формирования стереотипов мужественности и женственности. Важным подспорьем в решении этих проблем может быть обращение к произведениям русских «кавказоведов», в частности к лиро-эпической поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей», в которой именно травестийный мотив стал структурно-содержательной основой текста.

В основу поэмы положено исторически достоверное предание, имеющее широкое распространение среди горцев Северного Кавказа. Придавая произведению исповедальный характер, уже в самом начале Лермонтов использует образ героя-нарратора: «Старик-чеченец, / Хребтов Кавказа бедный уроженец, / Когда меня чрез горы провожал, / Про старину мне повесть рассказал» [7, с. 179]. Многие лермонтоведы подчеркивают осведомленность М. Ю. Лермонтова о горских преданиях и легендах. По свидетельству И. Андронникова, «об Измаил-Бее поэт мог слышать от живших на Кавказе родственников – Хастатовых, Шан-Гиреев, Петровых» [1, с. 732].

Известно, что прототип главного героя – юный черкесский князь Измаил-Бей Атажукин – в качестве «аманата» русским командованием на северокавказском фронтире был отправлен в Россию, где получил блестящее образование. Несколько лет он верой и правдой служил в рядах царской армии. В 1804 году правительство Александра I отправляет полковника Измаила Атажукина в родные края на Северный Кавказ с тем, чтобы использовать его дипломатические способности, знание языка, традиций и обычаев для урегулирования военно-политического конфликта. По иронии судьбы во главе повстанцев находился князь Росламбек Мисостов, находившийся в близком родстве с Измаил-Беем. Поддавшись «зову крови», Атажукин отказывается подчиниться русскому командованию и переходит на сторону восставших соплеменников.

Данный конкретно-событийный слой поэмы в русле романтической эстетики щедро декорирован и одухотворен присутствием колоритного женского образа – прекрасной лезгинки Зары. По физическим данным, психологическому облику, южному темпераменту героиню многое роднит с женскими образами Дж. Байрона. Сам автор определяет поэму как «восточную повесть» и посредством эпитафий из «Гяура» и «Лары» подчеркивает жанровую связь «Измаил-Бей» с «восточными» поэмами английского романтика. Так, своей поэме русский поэт предпослал эпитафию в форме двустихия из байроновского «Гяура»: «Так двигалась по земле дочь Черкессии. // Прелестнейшая птица Франгистана» [7, с. 177].

Представляя читателю Зару, автор прибегает к средствам высокой поэтизации женского образа в рамках традиционного романтического портретирования «юной девы гор». Он называет ее «молодой пери», «прелестью небес», «созданием земли и рая», подчеркивает «улыбку ее уст», «движение черных глаз», «прелестный лик», «восточную в ланитах кровь», «простоту наряда» и т.д. Из всех соматических образов наибольшее внимание М. Ю. Лермонтов при описании внешности девушки уделяет ее волосам:

Ее головка
 Платком прилежно обвита;
 Из-под него до груди нежной
 Две косы темные небрежно
 Бегут; – уж, верно, час она
 Их расплетала, заплетала!
 Она понравиться желала:
 Как в этом женщина видна [Там же, с. 192]!

По сюжету Зара впервые встречается с Измаилом в своем отеческом доме, где он по пути к восставшим соплеменникам останавливается на ночлег. Девушка сразу подмечает его несходство с обычными горцами: «Я вижу ясно – ты изгнанник, Ты от земли родной отвык, Ты позабыл ее язык» [Там же, с. 196]. Здесь, по нашему мнению, срабатывает «комплекс Фауста и Маргариты» [2] в том отношении, что мужчина ищет «высшее мгновение» в странствиях и боях, в то время как женщина – в любви и семейных радостях.

Героиня уговаривает любимого человека отказаться от своих опасных затей, военных походов и навсегда остаться с ней в ее родном селении. Пытаясь склонить его в свою сторону, Зара рисует ему собственное видение человеческого счастья с «чисто женскими» приоритетами: «приют наш мал, зато спокоен», «родной край», «очаг». Оспаривая ценность мужских геополитических представлений о родине, девушка говорит: «По мне отчизна только там, // Где любят нас, где верят нам!» [7, с. 196]. Счастье в представлении Зары – это патриархальная семья, ограниченная отношениями любящих супругов и интересами наследников, родственников, что соответствует многовековому укладу горского общества.

Однако по художественной и гендерной логике поэмы мужчина отказывается от предложенной идиллической картинки, поскольку для него приоритетными являются понятия, связанные с долгом, честью, мужской дружбой, защитой Отчизны. Вот как описывает поэт состояние Измаил-Бея накануне его утреннего расставания с девушкой: «Печальной тайной угнетен; / О юной деве мыслит он...» [Там же, с. 198]. Нельзя сказать, что Измаилу легко далось решение навсегда расстаться с Зарой. Его душа раздираема противоречиями, но «мужские» ценности все же берут верх, и он отправляется на ратные подвиги.

В отечественной критике можно встретить самые разные предположения на тему: почему влюбленный Измаил-Бей все же не принял жизненного счастья, предложенного ему девушкой, что в конечном итоге обрекло его на несчастную участь? Заслуживает внимания концепция Е. М. Пульхритудовой, которая, зачисляя в свои союзники самого Лермонтова, называет Измаил-Бея «лишним человеком» [9, с. 188]. На самом деле в отдельных портретных набросках Измаила проглядывают черты и пушкинского Евгения Онегина, и Григория Печорина, и вообще понятия «лишний человек».

На наш взгляд, особенность Измаил-Бея как литературного героя определяется не столько его «лишностью», сколько его кросс-культурным характером, если принять во внимание, что в нем совмещены разные культурно-психологические или ментальные начала: европейско-русское и восточно-азиатское. С русскими его сближает усвоенный им чистый русский язык, европейское образование и европейские понятия о личностной и воинской чести, офицерская служба в российской армии. С горцами – природный «зов крови», неизбывная любовь к родному краю.

Главная интрига произведения заключается в решительности Зары, которая не смирилась с судьбой «вечной невесты» и сама стала бороться за собственную любовь. При этом в роли главного «интригана» выступает сам Лермонтов, который лишь в начале третьей части сообщает читателю о том, что нежная лезгинка, не идентифицированная Измаилом, уже несколько месяцев сопровождает его в военных походах. В ретроспективной форме автор дает понять, что Зара после прощания с любимым в отчем доме, ежедневно томимая надеждой на новую встречу, в мужской одежде под видом молодого черкеса Селима явилась в отряд Измаила, «чтоб разделить с ним хоть могилу» [7, с. 217]. Как ангел-хранитель, Селим повсюду следует за своим «другом», оберегая его от невзгод, утешая в минуты грусти и одиночества.

Лермонтов в описаниях главной героини, закамуфлированной под солдата, не обходится без приемов «игровой поэтики». Выстраивая специфически «женские» эпитеты, метафоры, сравнения, автор дает подсказки своему герою, словно «проверяет» его наблюдательность, внимание к мелочам, интуитивные знания. Вот отрывок, где облик спящего Селима (часть третья, строфа VII) передается в восприятии Измаил-Бея: «Он спит, и длинные ресницы // Закрыли очи под собой; // В ланитах кровь, как у девицы. // Играет розовой струей; // И на кольчуге боевой // Ему не жестко. С сожаленьем // На эти нежные черты // Взирает витязь, и мечты // Его исполнены мученьем» [7, с. 220].

Кульминационным в поэме является «момент истины», когда открывается подлинная картина вещей. Пришедший в себя, удивленный Измаил неожиданно видит перед собой прекрасную Зару вместо Селима:

На нем мохнатой шапки больше нет,
 Раскрылась грудь; на шелковый бешмет
 Волна кудрей, чернея, ниспадает,
 В печали женщин лучший их убор! –
 Молитва стихла на устах!.. а взор [Там же, с. 236]...

В приведенном отрывке вновь бросается в глаза один из излюбленных гендерных образов М. Ю. Лермонтова – «волна кудрей». Как отмечает Н. Жюльен, «в волосах, связанных с жизненной энергией и силой, сосредоточены добродетели и прочие свойства человеческой природы» [5, с. 58]. Примечательно, что традиционная приписываемая «волосам» жизненная сила и мощь фактически оживляют «оледеневшее тело» Измаила.

Важный вывод, проистекающий из анализа поэмы, связан с травестийным мотивом, повествующим о перевоплощении девушки в юношу. В рамках гендерной поэтики двуполосный образ (Зара – Селим) служит обозначением мужского идеала женщины в лице преданного друга, воительницы, соратницы, что совершенно логично, если принять во внимание хронотоп лермонтовской поэмы, тематически связанный с событиями Кавказской войны. Другими словами, образ «женщины-солдата» порожден потребностями исторического времени. Примечательно, что в романе современной писательницы Д. Дамиан «В вашем мире я – прохожий...» [3] в иронично-травестийном ключе обыграны другие лермонтовские герои – Печорин и Бэла. Но если в первом случае художественный код связан с поэтизацией «мужественной женщины», то во втором – эмансипацией восточной женщины в рамках постмодернистской литературы. Это тот случай, когда женщина-автор «приходит в мир, обнаруживает его андроцентричность и тут же по-женски “деликатно” принимается исправлять обнаруженную дисгармонию» [6, с. 294].

Список источников

1. Андронников И. Примечание // Лермонтов М. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М.: Художественная литература, 1972. С. 732-733.
2. Гете И.-В. Фауст. Лирика. М.: Худож. лит., 1986. 767 с.
3. Дамиан Д. В вашем мире я – прохожий... М.: КомКнига, 2006. 240 с.
4. Дурова Н. А. Записки кавалериста-девицы. Л.: Лениздат, 1985. 512 с.
5. Жюльен Н. Словарь символов: иллюстрированный справочник. Челябинск: Урал LTD, 1999. 504 с.
6. Кучукова З. А. «Позвольте с Вами не согласиться»: особенности гендерной полемики в лирике Т. Зумакуловой // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: мат-лы VI междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (г. Нальчик, 3-6 октября 2013 г.): в 2-х т. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. Т. 1. С. 293-299.
7. Лермонтов М. Ю. Измаил-Бей // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1968. С. 177-238.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 922 с.
9. Пульхритудова Е. М. Мотивы // Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкин. дом); гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 187-188.

THE FUNCTIONAL ROLE OF TRAVESTY MOTIVE IN M. YU. LERMONTOV'S POEM "ISMAIL-BEY"

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

Within the framework of gender researches the author examines the functional role of travesty motive in M. Yu. Lermontov's lyro-epical poem "Ismail-Bey". Considering historical and cultural context of the poem written in the period of the Caucasian war of the XIX century it would be reasonable to suppose that the image of "a mountain girl" disguised in man's military uniform is folkloric idealization of a woman-warrior, a woman-fellow-fighter defending the independence of her Motherland. For the purpose of comparison the paper provides post-modernistic ironic interpretation of a travesty image in the novel by the modern authoress D. Damian.

Key words and phrases: Russian literature; M. Yu. Lermontov; poem "Ismail-Bey"; travesty motive; gender; Caucasian war; artistic code.

УДК 82-31

Статья посвящена анализу реализации мотива «бесплодная земля» в романе классика литературы США Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби». В ней рассматриваются происхождение данного мотива, особенности его трактовки в аспектах взаимодействия с национальными американскими идеями и изображениями меняющегося мира начала XX века. Исследование показало, что в романе анализируемый мотив порождает взаимодействие оппозиций бесплодность versus плодородие и дикость versus цивилизованность. В статье доказывается, что эгоизм принадлежит ядру анализируемого мотива и является одной из главных причин вырождения современного писателю общества.

Ключевые слова и фразы: Ф. С. Фицджеральд; мотив; миф; бесплодная земля; дикие просторы; Век Джаза.

Нефедова Ольга Игоревна

Московский городской педагогический университет
olgonavt@gmail.com

МОТИВ «БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В РОМАНЕ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»

Упоминание о бесплодной земле (*wasteland, Waste Land*), согласно исследованиям ученых, встречается в ритуалах природных культов древних цивилизаций, связанных с идеей плодородия (например, поклонение богу Адонису). Как указывает Дж. Уэстон (J. Weston), этот культ обозначает смену времен года, которые противопоставлены друг другу (ср.: бесплодная зима *versus* плодородное лето), что символически можно соотнести с так называемым универсальным архетипом умирающего и воскресающего бога (*dying-and-rising god, resurrection deity*), с которым тесно соотносятся состояние и жизнь обычных природных процессов у животных